

**Ученые записки
императорского московского
университета**

Выпуск 15

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
У91

У91 Ученые записки императорского московского университета: Выпуск 15 / – М.:
Книга по Требованию, 2019. – 587 с.

ISBN 978-5-517-96145-7

Отдел Историко-филологический.

ISBN 978-5-517-96145-7

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2019

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2019

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

ГЛАВА III.

Современники, друзья, ученики и послѣдователи первыхъ гуманистовъ въ XIV и въ первой четверти XV столѣтія.

Весьма обширная литература объ основателяхъ итальянскаго гуманизма страдаетъ односторонностью, которая составляетъ существенное препятствіе для научной исторіи начала и первыхъ шаговъ Ренессанса. Все вниманіе изслѣдователей было направлено до сихъ поръ на видныя фигуры первыхъ гуманистовъ, а ихъ друзья и поклонники все еще остаются въ тѣни. Вслѣдствіе этого Боккаччіо и въ особенности Петрарка представляются одинокими великанами, окутанными какимъ-то таинственнымъ величіемъ, обладавшими совсѣмъ непонятной съ перваго взгляда популярностью. Между тѣмъ не подлежитъ сомнѣнію, что ихъ окружала многочисленная толпа, отчасти пассивно раздѣлявшая ихъ стремленія и настроеніе, отчасти активно дѣйствовавшая въ одинаковомъ съ ними направленіи. Вокругъ большихъ гуманистовъ группировались ихъ маленькіе сотрудники, которые также находили учениковъ и покровителей. На это указываютъ многочисленные факты въ біографіяхъ Петрарки и Боккаччіо и прежде всего необыкновенная популярность перваго изъ нихъ. Но лучи славы основателей гуманизма затмили ихъ скромныхъ почитателей и сотрудниковъ: ихъ мало знали современники, мало цѣнило ближайшее потомство и мало изучали позднѣйшіе изслѣдователи, вслѣдствіе чего ихъ письма и сочиненія или совсѣмъ затерялись, или до сихъ поръ скрываются въ многочисленныхъ итальянскихъ бібліотекахъ и въ лучшемъ случаѣ извѣстны только по имени. Если и сохранились ихъ имена, то главнымъ образомъ потому, что имъ адресовали письма и посвящали свои сочиненія Петрарка и Боккаччіо. Но эти данныя, и сами по себѣ довольно скудныя, въ значительной степени теряютъ свою цѣну еще и отъ того, что содержаніе адресованныхъ извѣстному лицу писемъ или посвященнаго ему сочиненія, не всегда можетъ служить указаніемъ на воззрѣнія адресата. Петрарка часто ставилъ адреса случайно, Боккаччіо думалъ посвященіемъ при-

дать цѣну своему сочиненію¹⁾. Тѣмъ не менѣе и при современномъ состояніи источниковъ и литературы, благодаря главнымъ образомъ перепискѣ Петрарки²⁾, можно приближительно отиѣтить три категоріи друзей первыхъ гуманистовъ. Это были, во-первыхъ, люди, цѣликомъ принадлежавшіе старому міру, или ничѣмъ не проявившіе своихъ симпатій новому движенію; во-вторыхъ, меценаты и, въ-третьихъ, братья по оружію, скромные солдаты той арміи, предводителями которой были Петрарка и Боккаччіо.

Не подлежитъ сомнѣнію, что между многочисленными адресатами³⁾ Петрарки весьма многіе принадлежали старому міру и по своимъ занятіямъ, и по своему міросозерцанію. Таковы, во-первыхъ, весьма многіе представители средневѣковой церкви, съ которыми онъ находился въ перепискѣ. Петрарка, склонный къ дружбѣ по натурѣ, не обуславливалъ своихъ симпатій извѣстнымъ направленіемъ, если только находилъ расположеніе къ своей личности и не встрѣчалъ прямого порицанія своимъ интересамъ и стремленіямъ. При началѣ гуманистическаго движенія, когда его диаметрально противоположность средневѣковому міросозерцанію еще не была всѣми сознаана, такое отношеніе его представителей къ людямъ прежняго образа мыслей было естественно. Поэтому мы не въ правѣ заподозрѣть утвержденіе благочестиваго эремита Пьетро да Касталетто, что онъ былъ близокъ съ Петраркой, хотя этотъ монахъ считалъ необходимымъ внести монашескія поправки въ надгробную рѣчь, произнесенную при похоронахъ Петрарки Бонавентура да Перага⁴⁾. Несомнѣнно къ людямъ стараго порядка принадлежалъ и самъ ораторъ,

¹⁾ Въ посвященіи *De casibus virorum illustrium* Боккаччіо говорятъ: *cupimus enim omnes, quadam umbratili impulsi gloria, quibus auxiliis possumus, fragiles labores nostros nobilitate et diuturniores facere, et scriptores potissime. Et inter alia, quasi multum illis splendoris consecuturum sit, pontifici, seu Caesari, aut Regi, vel alicui principi maximo titulamus eosdem.* У Веселовскаго, р. 22.

²⁾ Körting въ общемъ вѣрно характеризуетъ содержаніе писемъ Петрарки (р. 15—17), но слишкомъ низко ставитъ ихъ значеніе, какъ историческаго источника. *Man könnte seine Briefe niedergeschriebene Selbstgespräche nennen, welche nur zufällig mit einem Briefcouvert bekleidet sind...* So vermisst man denn in seinen Briefen durchaus ein liebevolles und gemüthvolles Eingehen auf die Individualitäten der betreffenden Adressaten und ein Anbequemen an die verschiedenen Anschauungs- und Gefühlsweisen derselben. *Ibid.* р. 16. Это положеніе далеко не можетъ имѣть значенія общаго правила. Письма весьма часто имѣли публицистическій характеръ и въ большинствѣ случаевъ личность адресата принималась въ расчетъ при ихъ составленіи.

³⁾ Между современниками у Петрарки было болѣе 140 адресатовъ, не считая коллективныхъ и анонимныхъ.

⁴⁾ См. выше, р. 285.

монахъ, авторъ многихъ богословскихъ и аскетическихъ сочиненій и впоследствии кардиналъ¹⁾, хотя Петрарка адресовалъ ему одно письмо²⁾, а въ другомъ называетъ его между прочимъ „свѣтомъ Августинскаго ордена“ и „особеннымъ украшеніемъ города Падуи“³⁾. Едва ли сочувствовалъ гуманистическимъ стремленіямъ суровый аскетъ, пріоръ Certosa di Pavia, Джіованни Бариль, который, повидимому, пытался дать „лучшее“ направленіе генію перваго гуманиста⁴⁾. Въ одномъ изъ адресованныхъ ему старческихъ писемъ Петрарка съ массой цитатъ изъ свящ. писанія поручаетъ себя его молитвамъ, въ другомъ оправдывается отъ упрековъ монаха и почтительно отклоняетъ его предложеніе докончить сочиненіе Иннокентія III: *De dignitate conditionis humanae*⁵⁾. Петрарка называетъ своимъ другомъ и Джакомо Буссолари, противъ котораго онъ написалъ въ формѣ письма жестокой и несправедливый памфлетъ⁶⁾. Въ извѣстномъ смыслѣ Буссолари стоялъ въ оппозиціи къ современности, но этотъ новый человѣкъ былъ предшественникомъ Саванароллы и не имѣлъ ничего общаго съ гуманистическимъ движеніемъ⁷⁾. Между адресатами Петрарки было много юристовъ, но самое крупное юридическое свѣтило того времени, болонскій профессоръ Джіованни д'Андреа, былъ противникомъ новаго движенія. Въ двухъ изъ адресованныхъ ему писемъ Петрарка жестоко упрекаетъ знаменитаго юриста за его тщеславіе и невѣжество въ античной литературѣ, потому что онъ считалъ Платона и Цицерона поэтами⁸⁾.

Съ наибольшей осторожностью мы должны дѣлать заключеніе о направленіи высокопоставленныхъ лицъ изъ писемъ, адресованныхъ имъ Петраркою. Отношенія нарождающагося гуманизма къ меценатамъ были очень тонкія и въ то же время чрезвычайно трудныя и запутанныя. Покровительство знатныхъ иногда могло обуславливаться дѣйствительнымъ интересомъ къ новому движенію, иногда могло вытекать изъ жалавія привлечь на свою сторону популярнаго писателя, что было особенно естественно по отношенію къ Петраркѣ, могло, наконецъ, происходить изъ личной дружбы, что было вполне возможно въ ту эпоху, когда

¹⁾ См. о немъ. Rossetti, p. 393, Tiraboschi, p. 215 и слѣд. и Fracassetti, *Lettere senili* II, p. 184.

²⁾ Ep. senil. XI, 14.

³⁾ Ibid. VIII, 6.

⁴⁾ О немъ см. Fracas. *Lett. sen.* II, p. 522.

⁵⁾ Epist. senil. XVI, 8 и 9.

⁶⁾ Epist. fam. XVIII, 19.

⁷⁾ См. о немъ M. Villani libri 8 и 9.

⁸⁾ Ep. fam. V, 15 и 16.

соціальныя перегородки сильно распались. Гуманисты не только шли охотно навстрѣчу такимъ отношеніямъ, но и сами стремились завязывать ихъ по самымъ различнымъ побужденіямъ. Въ этомъ послѣднемъ случаѣ они старались въ письмахъ поразить ихъ своею новою ученостію, заимствованною изъ древняго міра, и, чтобы сдѣлать ихъ тѣмъ чувствительнѣе къ содержанію посланія, иногда совершенно чуждому ихъ интересамъ, они разсыпались въ похвалахъ глубокимъ знаніямъ и научнымъ стремленіямъ адресата. Всевозможныя знаменитости фигурируютъ и въ перепискѣ первыхъ гуманистовъ, на основаніи которой главнымъ образомъ мы и сдѣлаемъ попытку распределить ихъ по категоріямъ.

Весьма многіе изъ знатныхъ адресатовъ Петрарки были несомнѣнно равнодушны къ новой наукѣ. Сюда относятся, во-первыхъ, иностранцы, совсѣмъ непонимавшіе движенія: *Карлъ IV*, письма къ которому Петрарки носятъ чисто публицистическій характеръ¹⁾, *императрица Анна*, третья жена Карла IV, которую Петрарка считъ нужнымъ поздравить съ рожденіемъ дочери и расхвалить вопреки своимъ убѣжденіямъ женскій полъ²⁾; *Гумбертъ II*, послѣдній дофинъ Вьенны, потомъ монахъ, котораго онъ убѣждалъ помочь французамъ въ борьбѣ съ Англіею³⁾ и котораго самъ ставилъ весьма не высоко⁴⁾; *Эрнстъ, архіепископъ Пражскій*, приближенный Карла IV, выдавшій въ Авиньонѣ Кола ди Риенцо и пользовавшійся репутаціей святого. Петрарка въ качествѣ гиббеллина былъ или считалъ себя близкимъ человѣкомъ вліятельнаго прелата, сообщалъ ему какіе-то секреты и писалъ рекомендательныя письма⁵⁾. Сюда же относятся *Сакраморъ де Помме*, гофъ-курьеръ Карла IV, потомъ монахъ⁶⁾. Онъ просилъ у Петрарки для назиданія въ своемъ новомъ званіи его трактатъ „Объ уединенной жизни“, но получилъ отъ него вмѣсто этого письмо совершенно монашескаго содержанія⁷⁾.

Переписка Петрарки съ папами — Бенедиктомъ XII и Урбаномъ V не представляетъ данныхъ въ пользу сочувствія римскихъ епископовъ новому движенію. То же самое можно сказать относительно свѣтскихъ государей и тирановъ, съ которыми состоялъ въ перепискѣ

1) Ему адресованы: Famil. X, 1; XII, 1; XVIII, 1; XIX, 1, 4, 12; XXI, 7; XXIII, 2, 3, 8, 9, 15, 21. Senil. XVI, 5.

2) Epist. fam. XXI, 8.

3) Ibid. III, 10.

4) Fracass. Lett. fam. I, p. 438—39.

5) Epist. fam. XXI, 1 и 6.

6) См. о немъ Fracass. Lett. fam. IV, p. 340.

7) Epist. senil. X, 1.

или которымъ служилъ Петрарка. Знаменитому Джіованни Висконти онъ не писалъ, а только въ письмахъ по другимъ адресамъ защищалъ его интересы, хотя не изъ чего не видно, чтобы миланскій тиранъ сочувствовалъ новому движенію. Далѣе, нѣтъ никакого основанія причислить къ сторонникамъ новаго движенія и знаменитаго веронскаго кондотьера Люкино дель Верме и его сына Джакомо, хотя Петрарка считалъ себя ихъ другомъ и находился въ перепискѣ съ ними¹⁾. Что касается до Боккаччіо, то къ числу его друзей могли принадлежать люди стараго порядка съ тѣмъ большей легкостью, что авторъ Декамерона съ большою охотой черпалъ матеріалъ для своихъ латинскихъ произведеній изъ средневѣковыхъ ученыхъ и въ общемъ весьма терпимо относился къ ихъ современнымъ ему послѣдователямъ.

Но на ряду съ этими лицами, принадлежность которыхъ къ старому порядку или несомнѣнна, или весьма вѣроятна, между адресатами и друзьями первыхъ гуманистовъ были люди, сочувствовавшіе ихъ стремленіямъ и раздѣлявшіе ихъ интересы. Указаніе на это мы находимъ въ самой перепискѣ. Въ одномъ письмѣ Петрарка въ самыхъ яркихъ краскахъ описываетъ „заразительную болѣзнь“ писательства, которую произвелъ его примѣръ²⁾. Пишутъ всѣ: папскіе куріалы, юристы покинули своего Юстиніана и кліентовъ, медики — Эскулапа и пациентовъ, а ихъ примѣру слѣдуютъ ремесленники и земледѣльцы³⁾. Петрарка приводит и конкретные примѣры такого настроенія. Въ куріи освободили Кола ди Ріенцо, потому что онъ поэтъ⁴⁾; одинъ старый, слѣпой учитель, прошелъ пѣшкомъ всю Италію, чтобы прикоснуться къ персонѣ перваго гуманиста⁵⁾; Энрико Капіа, ювелиръ изъ Бергамо, увлеченный сочиненіями Петрарки,

¹⁾ Ibid. IV, 2; VIII, 4 и 5.

²⁾ Solebant in memoria nostra rari esse, qui haec scriberent; nunc nemo non scribit... Quod ad соотанеос attinet, ud quidam putant, non minima culpae pars penes me est. XIII, 7. Далѣе въ томъ же письмѣ Петрарка открыто признаетъ свою вину... Mordet animum conscientia, quasi magna ex parte unus ego his omnibus deliramentis alimenta praebuerim, exemploque nocuerim, quod non ultimum nocendi genus. Ibid.

³⁾ Nihil actum erat, nisi et in ipsam romanam curiam (quis crederet?) novissime latens morbus irripere. Quid enim jurisconsultos putas agere, quid medicos? Justinianum jam atque Aesculapium non norunt, clientes atque aegros ululantes non audiunt: obsurderunt enim Homeri Virgiliique nominibus attoniti... Carpenterii, fullones, agricolae, desertis aratris et caeterarum artium instrumentis, de Musis et de Apolline fabulantur. Dico non potest, quam late jam vegetur haec pestis. Ibid.

⁴⁾ Epist. fam. XIII, 6.

⁵⁾ Epist. senil. XVI, 7.

устроилъ ему королевскій приёмъ¹⁾. Какой-то старикъ сурово упрекалъ Петрарку за то, что его сынъ, увлеченный сочиненіями пераго гуманиста, оставилъ изученіе права²⁾. Всѣ эти многочисленныя поклонники въ Италиі и за-границей осыпали Петрарку письмами, отвѣчать на которыя не представлялось никакой возможности³⁾. Въ перепискѣ можно найти нѣкоторыя данныя и для характеристика друзей новаго направленія. Такъ, Петрарка рассказываетъ, какъ его поклонники задержали его однажды на дорогѣ въ Виченцѣ, и началась бесѣда главнымъ образомъ о Цицеронѣ⁴⁾, при чемъ одинъ, мало знакомый гуманисту старикъ, сурово упрекалъ его за недостаточное преклоненіе передъ великимъ ораторомъ⁵⁾. Такіе сторонники новаго направленія несомнѣнно находились среди всѣхъ классовъ тогдашняго общества, и мы постараемся, опираясь на переписку Петрарки и Боккаччіо, на письма ближайшихъ послѣдователей первыхъ гуманистовъ и на другія данныя, привести ихъ въ извѣстность и по возможности выяснить ихъ направленіе, расположивъ ихъ по мѣсту ихъ дѣятельности. Такимъ образомъ мы попытаемся указать слѣдъ для изображенія первыхъ шаговъ гуманистическаго движенія во всѣхъ центрахъ итальянской жизни.

I.

Развитіе гуманизма при папской куріи до Констанскаго собора. Гуманисты при Авиньёнской куріи. Колонны и Соранцо. Французскіе куріалы. Климентъ VI и Талебранъ. Иннокентій VI и Дзаноби да Страда. Гуманисты Урбана V. Григорій XI. Общія замѣчанія о гуманистическомъ движеніи въ Авиньёнѣ.

Гуманистическое настроеніе Петрарки и первые шаги его дѣятельности въ новомъ направленіи впервые обнаружались въ папскомъ Авиньёнѣ и тамъ ранѣе всего нашли себѣ признаніе и горячее

1) Epist. fam. XXI, 11.

2) Ille te novit, et a me multa impensa juris civilis studio traditus, tua se vestigia sequi malle ait. Epist. fam. XIII, 7.

3) Quotidie epistolas, quotidie carmina omnis in caput hoc nostri orbis angulus pluit: nec satis est peregrinis jam nec Gallos modo, sed Graiis et Teutonibus et Britannis tempestatibus litterarum pulsor, omnium ingeniorum arbiter, mei ipsius ignarus. Si ad singula respondeam, occupatissimus omnium mortalium. Ibid.

4) In unum versi omnes: nihil inde aliud, quam de Cicerone tractatum est. Epist. fam. XXIV, 2.

5) Senem illum, cujus mihi nomen excidit, non imago. Ibid.

сочувствіе. Интересъ къ поэзіи вообще и къ такого рода занятіямъ, которыя выдвинули Петрарку, носился тамъ въ воздухѣ, и папская курія, блестящая, сытая и праздная, съ увлеченіемъ относилась къ новому движенію. Мы видѣли, что самъ Петрарка признавалъ преувеличенной оптику тѣхъ занятій, которыя и самъ онъ ставилъ чересчуръ высоко. Гуманизмъ становился настоящей модой, которая заражала иностранцевъ и подчиняла себѣ представителей старой церкви и старой науки. Это явленіе тѣмъ характернѣе, что св. престолъ долгое время оставался равнодушнымъ, а, иногда былъ и прямо враждебенъ гуманистическому настроенію. Іоаннъ XXII (1316—1334), тотъ папа, при которомъ начинается своя дѣятельность Петрарка, авторъ нѣкоторыхъ новыхъ теологическихъ измышленій въ средневѣковомъ вкусѣ¹⁾, былъ совершенно чуждъ гуманистическихъ интересовъ. Тѣмъ не менѣе при его куріи образовывается первый гуманистическій кружокъ, центромъ котораго была фамилія Колонновъ. Въ трактатѣ *De ignoquantia* Петрарка называетъ ихъ домъ сборнымъ пунктомъ всѣхъ ученых²⁾; изъ его многочисленныхъ адресатовъ среди членовъ этой фамиліи многіе несомнѣнно раздѣляли его научныя стремленія. Таковъ былъ, во-первыхъ, *Джіованни да Сан-Вито*, который, хотя и окончилъ дни свои монахомъ-миноритомъ, тѣмъ не менѣе любилъ путешествія и такъ хорошо зналъ древность, что былъ проводникомъ и руководителемъ Петрарки при обзорѣ ихъ памятниковъ римской старины³⁾. *Джіакомо Колонна*, епископъ въ Lombez, университетскій товарищъ Петрарки и одинъ изъ самыхъ интимныхъ его друзей, несомнѣнно раздѣлялъ его раннее настроеніе и, по всей вѣроятности, его литературные вкусы. По крайней мѣрѣ, Петрарка посвятилъ ему одно изъ своихъ поэтическихъ посланій. То же самое можно сказать о кардиналѣ *Джіованни*, который былъ самъ писателемъ⁴⁾. Правда, многочисленныя письма къ нему Петрарки повѣствовательнаго содержанія; но ему же посвящено нѣсколько поэтическихъ посланій, и онъ по преимуществу собиралъ вокругъ себя тогдашнюю интеллигенцію⁵⁾. Въ домѣ

¹⁾ См. его характеристику у Грегоровіуса, VI, 192—193. Ср. Creighton, I, 42; Reumont, II, 816.

²⁾ Ibi omnium ferme letteratorum hominum nostri orbis conventus assiduus praesto fuit. Op., p. 1041.

³⁾ Epist. famil. VI, 2. Это и другія письма къ нему Петрарка (famil. II, 5, 6, 7, 8; III, 13; VI, 3, 4) весьма живо рисуютъ міросозерданіе и настроеніе адресата.

⁴⁾ По словамъ Фракассети, онъ scrisse le vite de' pontifici sino a Bonifazio VII. Letter. famil. II, 280. Мнѣ это сочиненіе осталось совершенно неизвѣстнымъ.

⁵⁾ См. выше пр. 2. При Іоаннѣ XXII жилъ *Landolfo Colonna*, каноникъ

Джіакомо Колонна Петрарка сошелся съ двумя самыи близкими ему людьми, которыхъ онъ называлъ *Леліємъ и Сократомъ*. Первый членъ дружескаго тріумвирата римскій дворянинъ *Лелло ди Пьетро Стефано*, повидимому былъ писателемъ. Его гуманистическія симпатіи несомнѣнно доказываются многочисленными письмами къ нему Петрарки. Главнымъ образомъ изъ этого же источника извлекъ Бальделли кое-какія біографическія свѣдѣнія о Лелло, которыя были дополнены потомъ Фракассетти¹⁾. Что касается до его литературной дѣятельности, то самое ея существованіе можетъ быть заподозрено. О ней сообщаетъ только потомокъ Лелло, біографъ Петрарки, Леліо ди Лели: его другъ, писатель, видѣлъ въ Сициліи стихи Лелло, написанные по-латыни и по-итальянски и обладающіе высокими достоинствами²⁾. Сообщая это свѣдѣніе, Бальделли прибавляетъ неизвѣстно на основаніи какихъ данныхъ, что Лелло составилъ мемуары о Колоннахъ, которыми пользовался Аммирато³⁾. Мы не знаемъ, какую роль игралъ этотъ дворянинъ въ домѣ Колонны, котораго Петрарка называетъ въ одномъ письмѣ ихъ общимъ патрономъ. Еще скуднѣе наши свѣдѣнія о *Людвигѣ изъ Кемпена*⁴⁾ или Сократѣ, какъ его называлъ Петрарка. Изъ массы писемъ къ нему перваго гуманиста, который посвящалъ ему всю свою переписку, можно видѣть, что этотъ Сократъ раздѣлялъ всѣ вкусы и стремленія родоначальника Ренессанса.

Колонны не были единственными прелатами, въ которыхъ проявляются слѣды гуманистическаго настроенія. Кардиналъ *Аммибальдо*, которому Петрарка адресовалъ одно дружеское письмо⁵⁾, былъ настоащій куріаль эпохи упадка. Преданный болѣе всего роскоши, онъ обнаруживалъ шаблонное благочестіе, основывалъ монастыри, писалъ житія святыхъ. Но тонъ адресованнаго ему письма показываетъ, что первый гуманистъ стоялъ въ близкихъ отношеніяхъ къ прелату, который и самъ умѣлъ воспользоваться латинскимъ гекзаметромъ для написаннаго имъ житія свв. апостоловъ Петра и Павла⁶⁾ Интересный

въ Шартрѣ, авторъ *Breve chronicon* и *De statu et mutatione Romani Imperii*. См. о немъ Renazzi, I, p. 86. Tiraboschi, V, 343. Gregorovius, VI, p. 681.

¹⁾ Baldelli, p. 267—268. Fracass. Lett. famil. I, 477—480.

²⁾ Esser quelli di tal merito e tanta leggiadria, specialmente gl'italiani che meritamente si possa dire nè il Petrarca a Lelio, nè Lelio al Petrarca aver fatta punta vergogna. У Baldelli, p. 253.

³⁾ Ibid.

⁴⁾ Кое-какія свѣдѣнія о немъ, исключительно впрочемъ почерпнуты изъ сочиненій Петрарки, впервые собралъ Де-Садъ, котораго повторяетъ Фракассетти. Lett. famil. I, p. 251—253. Ср. Гейгеръ (Petrarca, p. 61—63).

⁵⁾ Epistol. famil. VI, 1.

⁶⁾ См. Fracass. Lettere famil. II, 110—11. Gregorovius, VI, p. 321.

образецъ нарождающагося сочувствія къ древней литературѣ представляеть собою характерная фигура авиньёнскаго юриста *Реймондо Соранцо* или *Суперанцо*. У него много книгъ древнихъ писателей, которыя онъ давалъ списывать Петраркѣ, а нѣкоторыя сочиненія Варона и Цицерона даже ему подарилъ. Но самъ онъ цѣнилъ только Тита Ливія и настолько понималъ этого писателя, что могъ развѣсянять его красоты молодому Петраркѣ¹⁾.

Судя по перепискѣ перваго гуманиста, новое настроеніе обнаруживается и у французскихъ куріаловъ. Вліятельный прелатъ *Филиппъ де Кабассоль* (Cabassoles), епископъ городка Кавальона, впоследствии патриархъ Іерусалимскій и кардиналъ²⁾; одинъ изъ наиболѣе интимныхъ друзей Петрарки, который написалъ ему массу писемъ и посвятилъ сочиненіе *De vita solitaria*. Ихъ связывали общіе вкусы и одинаковая любовь къ наукамъ. Петрарка описываетъ, какъ они бродили вмѣстѣ по окрестностямъ Воклюза, заняты разговорами о научныхъ и религіозныхъ предметахъ и проводили цѣлыя ночи за книгами³⁾. Но, повидимому, главнымъ пунктомъ, на которомъ сходились оба друга, было то нѣсколько мечтательное, но строго католическое благочестіе, которое отличало Петрарку. Кабассоль былъ самъ писателемъ, и одно изъ его сочиненій носитъ названіе *De nugis curialium et de miseria curiarum*⁴⁾; сообразуясь съ его вкусами, Петрарка и посвятилъ ему самый благочестивый изъ своихъ трактатовъ, а также стихотвореніе въ честь Маріи Магдалины⁵⁾. Повидимому, такимъ же характеромъ отличался ихъ общій другъ, помощникъ Кабассоля, настоятель церкви въ Кавальонѣ, *Понтиусъ Симсонъ*, которому Петрарка адресовалъ два письма и о которомъ съ большою теплотой упоминаетъ въ трактатѣ *De vita solitaria*⁶⁾. Любовь къ латинской поэзіи и хорошее знакомство съ латинскимъ языкомъ обнаруживаетъ другой французскій адресатъ Петрарки, *Филиппъ де Витри* (Vitry), епископъ города Мо. Онъ перевелъ французскими стихами *Метаморфозы* Овидія и написалъ маленькую поэму о деревенской жизни⁷⁾. Такимъ же характеромъ отличался фран-

¹⁾ Свидѣнія о немъ, извлеченныя изъ писемъ Петрарки, находятся у Фракассетти (*I.ett. fam.* I, 267), котораго повторяетъ Кёртингъ (р. 87).

²⁾ Свидѣнія о немъ изъ Фракассетти собраны у Кёртинга Petrus's Leben, p. 137—139.

³⁾ *Epist. senil.* XIII, 11 и XV, 4.

⁴⁾ Его сочиненія остались неизданными. См. De-Sade, I, p. 366.

⁵⁾ *Epist. senil.* XV, 15, а не въ честь св. Маргариты, какъ говорятъ Кёртингъ, p. 139.

⁶⁾ II, X, 1 и *Epist. famil.* XIV, 8 и XV, 10.

⁷⁾ См. Fracass. lett. famil II, p. 430.

дисканскій пріоръ въ Пуатье французъ *Пьеръ ле Бершёръ* (le Bercheur), котораго Петрарка называетъ своимъ другомъ и которому онъ адресовалъ два письма. Уже одно изъ этихъ писемъ указываетъ на интересы адресата: Петрарка проводитъ въ немъ параллель между древне-римскими и новыми военными установленіями¹⁾. Кроме того, Ле Бершёръ и самъ былъ писателемъ. Его сочиненіе *Reductorium morale* носитъ еще средневѣковой характеръ, представляетъ собою обычную тогда энциклопедію; но тамъ подъ словомъ *Roma* авторъ упоминаетъ о своемъ переводѣ на французскій языкъ Тита Ливія²⁾.

Большая часть этихъ дѣятелей сохранила свое положеніе и при Бенедиктѣ XII (1334—1342), хотя новый папа былъ совершенно чуждъ гуманистическаго настроенія: это былъ примодушный монахъ, искренно желавшій вернуть церковь на старыя пути средневѣкового благочестія³⁾. Но сочувствіе къ новымъ интересамъ значительно возросло, когда на престолъ св. Петра взошелъ Климентъ VI (1342—1352). Новый папа, богатый французскій дворянинъ, Рожеръ де Бофоръ, поступилъ въ монастырь еще мальчикомъ, но остался чуждъ монашескаго духа и традицій. Зато свѣтская карьера шла у него съ большимъ успѣхомъ: изъ профессоровъ богословія въ Сорбоннѣ онъ сдѣлался канцлеромъ Филиппа VI, потомъ епископомъ сначала Арраса, затѣмъ Сенса и Руана, наконецъ кардиналомъ и папой. На престолѣ св. Петра, „Климентъ VI, по мѣткому замѣчанію Реймонта, во многихъ отношеніяхъ былъ предшественникомъ Льва X“⁴⁾. Дѣйствительно, Климентъ былъ весьма либераленъ въ дѣлахъ вѣры, особой будлой

¹⁾ Epist. famil. XXII, 14.

²⁾ Ego Titum Livium ad requisitionem D. Ioannis incliti Francorum regis non sine labore et sudoribus in linguam gallicam transtuli de latina. Цитата у Grasass. Letter. famil. IV, 497. Рукопись въ парижской національной библиотекѣ. Изъ заграничныхъ друзей Петрарки, которые обнаруживали интересъ къ гуманистическимъ занятіямъ, заслуживаетъ вниманія: чехъ *Янъ Осеко*, епископъ Ольмюца, впоследствии кардиналъ. Петрарка адресовалъ ему много писемъ и посвятилъ нѣсколько стихотвореній. Нѣкоторые изъ эпистолярныхъ отвѣтовъ Осеко напечатаны у Mehus'a (Vita Ambr., p. CCXXI). Свѣдѣнія о немъ у Grasass. Lett. famil. II, p. 501. Сюда же относятся Philippe de Maizières, секретарь Петра I Лузиньяна и авторъ нѣсколькихъ латинскихъ сочиненій (Grasass. Lett. famil. II, p. 79) и аббатъ Pierre de Rainzeville (Ibid. Lett. fam. II, p. 408).

³⁾ Къ этому выводу приходятъ всѣ новые изслѣдователи (см. Gregorovius, VI, 223; Reumont, II, 844; Creighton, I, p. 42), хотя многіе современники и въ ихъ числѣ Петрарка относятся къ этому папѣ съ суровымъ порицаніемъ. Петрарка говоритъ о немъ: vino madidus, aevo gravis, ac soporifero goro perfusus, jam inutilat. Ep. sine titulo I.

⁴⁾ Reumont, II, p. 897.